

С.А. Фомичев

Лиза

Роль Лизы в «Горе от ума» долго не давалась на сцене даже выдающимся актрисам. П. Стрепетова признавалась:

«Облик Лизы как-то двоился в моем воображении, не давалось цельной фигуры, не вызывалось того реального представления внешности, на какое, казалось бы, давал право вполне определенными штрихами нарисованный автором характер <...>. Как субретка Лиза превосходна — живое лицо, сама жизнь <...>. Но ведь она не то, она — русская горничная из фамусовских крепостных <...>. Прямо непостижимо, как мог такой гениальный человек, как Грибоедов, не досмотреть этого. Ее французское произношение режет глаз, я никак не могу помириться с ним».

В постановке Московского Художественного театра актриса О. Андровская впала в другую крайность:

«Одной фразой Грибоедов раскрывает сущность характера самой Лизы. “Ну! люди в здешней стороне”, — говорит Лиза во втором акте. В этих словах — весь образ девушки, приехавшей из деревни, чувствующей себя чужой здесь, но прекрасно все понимающей».

По-видимому, более точен в трактовке роли Лизы П. Гнедич:

«Лиза едва ли играет в комедии такую первенствующую роль, как это принято думать. Все горе наших исполнительниц в том, что они играют мольеровскую субретку, а не крепостную девку, воспитанную на Кузнецком мосту и тронутую внешним лоском от постоянного совместного пребывания с барышней. Лиза резко выступает в начале пьесы и потому привлекает особое внимание зрителя. Лизу совсем не следует играть с жеманством <...> и вообще не надо держаться все время на первом плане <...> а затем сделать все возможное, чтоб по сцене ходила горничная, но не переодетая ingenue с кружевным передничком. В последнем акте при обещании Фамусова сослать ее на птичий двор, — она попросту валится ему в ноги».

М. Бойко считает, что

«Среди образов комедии есть более загадочные, чем дозволено легкому жанру. Лиза — горничная, объективно оказывающаяся в центре всеобщего внимания. С ней заигрывает Фамусов как с веселой и бойкой служанкой. Ей признается в своих чувствах Молчалин, утомленный собственным притворством. Героиня импонирует им обоим своей жизнерадостностью и простотой — именно простотой, а не простоватостью. Она же с ними неприступна и остроумна, временами даже наставительна и всегда непринужденна, как с равными себе. Кстати, именно Лиза вдруг без всякого повода первой вспоминает о Чацком, награждая его безусловно положительной характеристикой, в которой верно подмечены его лучшие черты <...>. Однако такая служанка, обладающая богатой и сложной человеческой натурой, сочетающая здравость суждений и умение ценить светский артистизм, владеющая романтическим словарем, не без иронии его используя, оказывается вне основной линии сюжета. Словно ее подспудной задачей становится проявлять авторскую позицию в решающие моменты. Лиза как бы устраняется, не стремясь занять достойное место в центре конфликта. Тем не менее, это не переносит ее на периферию действия. Дело в том, что любовь сама перестает быть исключительной и единственной темой, заслуживающей внимательного рассмотрения драматургом».

И в самом деле, Лиза уже потому не похожа на субретку классицистической комедии, что поневоле принимает участие в любовной интриге госпожи. Подневольное состояние свое она ощущает постоянно: отбиваясь ли от ласк барина («Опомнитесь, вы старики...»), прикидываясь ли дурачком, чтобы избежать гнева барышни («Хотела я, чтоб этот смех дурацкий / Вас несколько развеселить помог»), предчувствуя ли барскую расправу за чужие грехи («А что в ответ за вас, конечно, мне попасть») — в конце комедии она и «попадает в ответ». А между тем она девушка смешливая и сметливая, уважаемая

в своем кругу («Скажите барышне скорее, Лизавета» — так обращается к ней дворецкий). К барышне она, по всей вероятности, была приставлена с детства и потому иногда с ней говорит не как служанка, но лишь до первого окрика: «Послушай, вольности ты лишней не бери!». Кое-что Лиза усвоила из лексикона Софьи, хотя язык ее в целом народный и очень выразительный. Тип подобной крепостной служанки-подруги — правда, в обычных для этого автора идиллических тонах — отмечает М. Гершензон, находя его в переписке московской барыни М. Римской-Корсаковой:

«Дуняшка — горничная, крепостная Дуняшка по-французски характеризует гостя: “*charmante personne, joly garçon*”; она пьет с Марьей Ивановной чай поутру и сопровождает к обеду — Саша (барышня) ездит всякий день верхом на Гнедке <...> и они с Дуняшкой ездят по очереди: одна сидит в кабриолетке, а другая — верхом; так они отправляются от крыльца, а воротятся — которая была в кабриолетке, та уже верхом».

Из всех господ Лиза, несомненно, выделяет Чацкого, которого тоже, по-видимому, знает с детства. Недаром она упрекает за него Софью, сейчас же получая за это барственную отповедь. Недаром она и дважды вмешивается в разговор Софьи с Чацким, желая, очевидно, как-то смягчить холодность госпожи. Вообще в Лизе чувствуется характер, но — и в этом Гнедич, несомненно, прав, — главенствующей роли в пьесе Лиза, конечно, не играет: интрига Софьи с Молчалиным ее сама по себе мало занимает, она участвует в пей как подневольное лицо — не более того. Потенциальную силу характера этой героини, очевидно, почувствовал Л. Толстой: в его комедии «Плоды просвещения» Таня, во многом родственная грибоедовской Лизе, смело затевает интригу (но не фривольную, а вдохновенную крестьянским «делом») и добивается своего.